

Возрожденіе

1.

Петръ Бернгардовичъ Струве является, можно сказать, антиподомъ тому «нѣмцу Струве», котораго мы знаемъ по герценовскому «Былому и Думамъ» за человѣка настолько уравновѣшеннаго, что даже жену онъ выбиралъ по указаніямъ френологіи... П. Б. Струве издавна страдаетъ противоположнымъ недугомъ — неудержимымъ влеченіемъ къ переменѣмъ взглядовъ, увлеченіемъ новыми прежде всего — словами. Этой хронической страсти П. Струве остается вѣренъ и сейчасъ, на 36-мъ году своей публицистической жизнедѣятельности.

Есть, впрочемъ, одно существенное различіе между Струве бывшимъ и нынѣшнимъ, руководителемъ «Возрожденія». Былой неудержимо влекся къ новому слову, дѣйствительно новому въ Россіи, отсталой отъ науки, политики и культуры Запада. Въ этомъ была «культуртрегерская» миссія Струве: его положительное и творческое дѣло въ своеобразныхъ условіяхъ малокультурной земледѣльческой страны. Въ новыхъ словахъ нынѣшняго Струве ново только то, что ихъ произноситъ Струве. Необычно и, если хотите, «ново» то словесное сочетаніе, въ которое облечены старыя политическія и историческія категоріи, устарѣвшія не только для Запада, но и для Россіи.

Отъ новыхъ словъ, символизировавшихъ новыя идеи, къ возрожденію архаическихъ идей въ необычной, двусмысленной и «гиппократовой» словесной оправѣ, — таковъ путь отъ *Новаго Слова* къ *Возрожденію*, отдѣляющій эпоху юношескаго, творческаго напряженія отъ періода тусклаго увяданія и повторенія чужихъ задовъ. По своему же содержанію слова и идеи, которыя въ разное время провозглашалъ и защищалъ Струве, почти цѣликомъ покрываютъ всю пестроту общественно-политическихъ цвѣтовъ, въ которые окрашивалось самосознаніе русской интел-

лигенции. Если организм въ своемъ эмбриологическомъ развитіи проходитъ всѣ фазы развитія рода — онтогенезъ повторяетъ филогенезъ, — то о Струве съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что его политическая эволюція «онтогенетически» повторила весь духовный «филогенезъ» русской интеллигенции. Но только въ *обратномъ* направленіи. Отъ болѣе позднихъ и высокихъ стадій къ болѣе раннимъ и примитивнымъ: отъ былого социализма чрезъ революціонный радикализмъ и мирно-обновленческую, лояльнѣйшую изъ оппозицій къ нынѣшнему положительному утвержденію царизма*), «здороваго» консерватизма и «мудрой» контръ-революціи.

Мучаясь, какъ и многіе, проблемой возрожденія Россіи и, въ качествѣ профессионала-идеолога, осмысливая его прежде всего идеологически, Струве не нашель ничего лучшаго, какъ воссоединить два противорѣчивыхъ слова — Струве увѣряетъ: идеи — воедино. Контрастирующие другъ съ другомъ въ обычномъ сознаніи либерализмъ и консерватизмъ, *консервативный либерализмъ и либеральный консерватизмъ* провозглашены Струве тѣмъ новѣйшимъ, самымъ послѣднимъ и глубокимъ словомъ политической мудрости, подъ знакомъ коего Россія только и можетъ возродиться.

Правда, извѣстно положеніе, когда различіе между либерализмомъ и консерватизмомъ стирается. Такъ изъ щедринской исторіи города Глухова мы знаемъ, что тамъ были «двѣ партіи: либеральная и консервативная. Девизъ первой — шествуй впередъ, по временамъ же мужайся и отдыхай; девизъ второй — мужайся и отдыхай, по временамъ же шествуй впередъ!». Глуховскіе «деви́зы» идео-

*) «Возрожденіе» считаетъ царизмъ варварскимъ галицизмомъ и не иначе пользуется этимъ терминомъ, какъ заключивъ его предварительно въ кавычки. Не будемъ доискиваться, почему Струве, такой большой охотникъ до всякихъ неологизмовъ, руссизмовъ, славизмовъ и проч., вдругъ не влюбилъ царизма, какъ «варварство», — къ сожалѣнію, только терминологическое. Отмѣтимъ лишь, что истинно-русское и консервативное ухо, канимъ отличались Леонтьевъ и Катковъ, не улавливало ничего противорусскаго въ одіозномъ для уха Струве царизмѣ. И Катковъ, и Леонтьевъ, — не говоря уже о Герцень — оба употребляли этотъ терминъ и даже съ заглавной буквы, изъ вѣрнопопандническаго пѣтета.

логически объединить, конечно, немудрено, даже не объединяя глуховских «партий». Но не идеологомъ же города Глухова собирался стать П. Б. Струве, становясь во главѣ «Возрожденія». Въ исторіи же Россіи, чтобы не говорить о Западѣ, консерватизмъ и либерализмъ, въ особенности до появленія на исторической авансценѣ социализма, были понятіями почти предѣльно-полярными. Это былъ одинъ изъ немногихъ пунктовъ, относительно котораго не возникало разногласій между лагеремъ либеральнымъ и консервативнымъ. И консерваторъ Леонтьевъ, и либераль Гладовскій согласно утверждали, что «кличку» либерала въ 60-80 годахъ получили «люди, преданные дѣлу реформъ»; «люди же *противоположнаго* направленія нарекли его охранительнымъ», или консервативнымъ (См. у Н. Леонтьева: Востокъ, Россія и Славянство. Т. II, 124).

Конечно, либерализмъ и консерватизмъ — категоріи условныя, прямымъ образомъ зависящія отъ конкретного содержанія того, въ отношеніи къ чему принимаются и отвергаются мѣры охранительныя или «освободительныя». И Катковъ заявлялъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что «всякому мила свобода»; и большевики пишутъ въ «Извѣстіяхъ»: «въ области идейной мы, какъ партія, меньше всего нуждаемся въ революціи, — наоборотъ, поддержаніе идейной преемственности есть сейчасъ наиболѣе повелительное требованіе революціонной мысли». Сторонники режима существующаго почти всегда — консервативны, будь то даже Сталинъ и Зиновьевъ. А стоящіе къ нему въ оппозиціи — либеральны, будь то даже Гучковъ и Шульгинъ. Тутъ безпредѣльная сфера для игры ума и словъ.

И П. Б. Струве лучше другихъ, конечно, сознаетъ различія между либерализмомъ и консерватизмомъ. Откочевавъ отъ социалистическаго лагеря, Струве вѣдъ долгіе годы былъ самъ однимъ изъ виднѣйшихъ идеологовъ либерализма и тѣмъ самымъ въ такой же мѣрѣ — противникомъ консерватизма. Струве, конечно, отлично понимаетъ, что однимъ словосочетаніемъ противоположностей противорѣчіе не уничтожается. Но Струве — крайній номиналистъ. Онъ вѣритъ въ магію словъ. Онъ знаетъ, что значить иногда назвать вещи не своимъ именемъ*).

*) Недавно скончавшійся германскій ученый Ф. Маутнеръ

Отсюда и вѣчные поиски Струве новыхъ словъ, на худой конецъ — новаго сочетанія изъ старыхъ. Отсюда и идея «либерально-консервативнаго» возрожденія Россіи, о которую «спотынулись», по признанію самого Струве, даже сочувствующіе «Возрожденію». Поэтому-то съ такимъ ожесточеніемъ и протестуетъ Струве противъ сближенія его плана возрожденія съ реакціей и реставраціей: въ лексиконѣ «Возрожденія», рядомъ съ апологіей паризма, нѣтъ болѣе уничижительнаго эпитета, какъ «старорежимный». Поэтому-то и духовную свою генеалогію нынѣшній Струве ведетъ отъ «свѣточей подлинно-охранительной, или консервативной мысли», въ которые «Возрожденіе» зачисляетъ Петра Великаго, Пушкина, Сперанскаго и даже «Русскія Вѣдомости», конечно, въ «классическую» ихъ эпоху, т. е. до 1905 г., а не отъ прямыхъ и очевидныхъ своихъ предковъ: Карамзина, Каткова, Леонтьева.

Утомительно слѣдить, съ какой подробностью и якобы значительностью, расщепляя волосъ на части, расчленяетъ «Возрожденіе» понятіе либерализма по эпохамъ: ранній, старый либерализмъ и неолиберализмъ, современный; по его политической, такъ сказать, вирулентности: классическій и радикальный; — лишь бы сохранить за собою право на слово. При этомъ совершенно естественно, что «словопоклонниками и словоборцами» идеологи «Возрожденія» называютъ не себя, а своихъ противниковъ...

Желая сохранить, если не лицо и не идею, то хотя бы слово: либералъ, и сочетая его съ благопріобрѣтенными чертами консерватора-охранителя, Струве самый консерватизмъ связываетъ съ контръ-революціей. И это весьма характерно для русскаго претендента въ де-Местры. Жозефъ де-Местръ заявлялъ опредѣленно — «Nous ne voulons pas la contre-revolution, nous voulons le contraire de la revolution». Онъ опредѣленно не хотѣлъ контръ-

сводилъ все заблужденія человѣческой мысли отъ Аристотеля до Гегеля къ «суетнѣрю словъ», къ неискоренимому влеченію подмѣнять мысль словомъ. Въ качествѣ примѣра всемія слово онъ приводилъ слѣдующій историческій фактъ: когда римляне въ битвѣ съ карфагенянами увидѣли впервые *слоновъ* и ряды ихъ дрогнули, Сципионъ воскликнулъ: «воины, неужели вы испугались этихъ африканскихъ *собакъ*?» — и римская фаланга двинулась впередъ и одержала побѣду. — Таковы могутъ быть послѣдствія называнія не своимъ именемъ людей, вещей, звѣрей и... политическихъ категорій.

революціи, онъ хотѣлъ только обратнаго тому, что принесла революція. Это было ясно и недвусмысленно. Струве же, желая, какъ и Местръ, «обратнаго тому, что дала революція», въ прямое противорѣчіе съ Местромъ, жаждетъ и надѣется на «контръ-революцію». Въ этомъ отличающаяся Струве, отъ его иностранныхъ образцовъ, спутанность мысли. Контръ-революціонная реакція и реставрація — имѣютъ смыслъ; но «контръ-революціонный либеральный консерватизмъ» — лишень всякаго смысла, это еще большая «логическая беззаконность совокупленія» понятій, чѣмъ придуманный въ 70-хъ годахъ (Ю. Ф. Самаринымъ) «революціонный консерватизмъ».

Не случайно, думается, и не по забывчивости не упомянулъ Струве въ числѣ своихъ предковъ того, кого онъ чаще другихъ, въ сущности, лишь повторяетъ и кто отъ другихъ, скажемъ, консерваторовъ отличается прямымъ и откровеннымъ признаніемъ того, что другіе такъ или иначе скрываютъ или вуалируютъ. Мы имѣемъ въ виду, конечно, Константина Леонтьева*). Съ полнымъ апаніемъ своей среды Леонтьевъ говорилъ: «Нашъ (русскій) консерваторъ боится; боится не столько дѣйствій, сколько словъ... Какъ произнести слово — реакція?»

Эта характеристика полностью приложима и къ нынѣшнимъ консерваторамъ, опасаящимся открыто назвать себя настоящими именемъ реакціонеровъ и спасающихся подъ кровъ либерализма.

2.

Когда идеологи «либеральнаго консерватизма» пытаются «предметно» вскрыть содержаніе своей идеологии, они говорятъ: мы — патриоты, мы — Національная Россія.

Эти слова по нынѣшнимъ временамъ — безсодержательны, лишены «предметнаго» содержанія. Ибо кто сейчасъ не защищать идеи отечества? Кто не считаетъ именно себя

*) Ср., напримѣръ, отношеніе Леонтьева къ «хамскому слову» интеллигенты; или его убѣжденіе въ томъ, что «начало премудрости (т. е. настоящей вѣры) есть *страхъ*, а любовь только *плодъ*»; его взглядъ на христіанство, какъ на «великое ученіе... для *сдерживанія людскихъ массъ желѣзной рукавицей столь практическое и твердое*» (курсивъ Леонтьева). — «Желѣзная рукавица» Леонтьева не тотъ ли же «православный мечъ» Ильина?!

защитникомъ интересовъ Россіи? Кто не называетъ себя патриотомъ *своей* родины, — родины въ своемъ пониманіи?

Коммунистамъ дорога, конечно, Россія не «вообще», Россія сама по себѣ или Россія «всякая». Но Россія совѣтская, руководимая РКП, Россія — «оплотъ міровой социальной революціи», ширящійся до всесвѣтныхъ предѣловъ, Россія переименовавшая въ СССР, такая и только такая Россія любя и дорога уму и сердцу каждаго коммуниста. Зиновьевъ и Ленинъ говорили: «лучше бѣдная, нищая Россія — да наша, чѣмъ выродившаяся, богатая — безъ насъ»; «пусть 90% русскаго народа погибнетъ, лишь бы 10% дожили до міровой революціи». Но вѣдь *принципально* таково же отношеніе къ Россіи и со стороны «либерально-консервативныхъ» патриотовъ, считающихъ любовь къ отечеству своею монополіей и знаменемъ.

«Избави Боже большинству русскихъ дойти до того, до чего шагъ за шагомъ дошли уже многіе французы, то есть до привычки *служить всякой Франціи и всякую Францію любить!* На что намъ Россія не Самодержавная и не Православная?» — спрашивалъ 45 лѣтъ тому назадъ Леонтьевъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ». И теперь «либерально-консервативный» Карташевъ ему вторитъ: «не надо намъ Россіи, если тамъ упразднена человѣческая свобода и торжествуетъ бѣсовское навожденіе социализма... Тамъ, въ Россіи, люди потеряли волю и кланяются сатанѣ. Мы же ни о комъ не соблазнимся».

«Монархическому педантству» Леонтьева, по его же признанію, не правилось говорить: Россія и Государь. Леонтьевъ предпочиталъ иной порядокъ: «Государь и Россія», — почти такъ же, какъ Аракчеевъ, который заявлялъ: «мнѣ до вашего отечества дѣла нѣтъ, я знаю одного Государя». Аналогичнымъ уклономъ «патриотической» мысли подкаzano переименованіе глинковской оперы «Жизнь за Царя» въ «Жизнь за СССР». Но вѣдь и «либерально-консервативные» патриоты изъ «Возрожденія» стоятъ на томъ же уровнѣ патриотическаго сознанія, когда утверждаютъ, что невозможно и недолично «расчленять» и различать между царизмомъ и русской государственностью въ историческомъ прошломъ. Относительно же будущаго идеологи «Возрожденія» публично и всенародно раскрываютъ свою любовь къ отечеству, какъ любовь къ «отечеству, охраняющему собственность». — Эта откровенно-классовая идея *собственническаго патриотизма* полно-

стью совпадаетъ съ интернаціоналистскимъ тезисомъ — «у пролетаріевъ нѣтъ отечества», который выставилъ Марксъ не то какъ резюме существующаго положенія, не то какъ норму поведения, вытекающую изъ безнадежности положенія. Во всякомъ случаѣ дѣлу подлиннаго замиренія и возрожденія Россіи «либерально-консервативная» идея о патриотизмѣ частичномъ, классовомъ, составляющемъ монополию собственниковъ, — врядъ ли сослужить положительную службу.

Интересъ Струве къ проблемѣ «истиннаго» націонализма и патриотизма не со вчерашняго дня. И четверть вѣка тому назадъ, еще не сбросивъ съ себя социалистическихъ одежды, Струве писалъ: «Мы любимъ родину, какъ дитя любить мать... Но родина намъ не только мать. Она въ такой же мѣрѣ — наше дитя. Мы въ сознательной и бессознательной жизни, духовно и матеріально, одно поколѣніе за другимъ, творимъ и растимъ нашу родину. Своєю кровью и мѣшцами мы питаемъ ея тѣло, своими стремленіями и помыслами мы напоаемъ ея душу. Мы творимъ ея живую и вѣчно мѣняющуюся ткань. *Въ разной мѣрѣ, но все безъ исключенія*, мы повинны этой творческой работѣ. Мать — дитя! Въ этомъ символѣ разгадка мучительно-искреннихъ споровъ о томъ, что любить въ родинѣ: дѣйствительность настоящаго дня (и, прибавимъ, прошлаго. — М. В.) или мечту о завтрашнемъ, спокойствіе существующаго (и существовавшаго. — М. В.) или бурю и натискъ идущаго ему на смѣну будущаго». И какъ заключительный выводъ: — «Можно и должно относиться съ уваженіемъ и бережно къ отвердившимся образованіямъ духовной и культурной жизни: лелѣять *воспоминаніе* и любить родину — мать. Но жизнь растущая, образованія слагающіяся, *пророчество* зовущее впередъ, родина — *дитя* заслуживаетъ не меньшаго уваженія и любви» (*На разные темы*, стр. 528 и 555).

Отказывается нынѣшній Струве отъ этихъ словъ?..

Отвѣтъ данъ его новымъ органомъ. Родина становящаяся, жизнь растущая, образованія слагающіяся, дитя въ мукахъ и крови рождающееся, застилаются образомъ «родины-матери» — для большинства злой мачехи, — на разстояніи во времени романтически приукрашеннымъ. Струве уже не слышитъ «звовъ впередъ», и «пророчества», онъ живетъ «воспоминаніемъ» и настойчиво тянетъ назадъ, къ «исторической власти», былой государственности,

къ культурѣ предковъ, за которыми застилается для него образъ Россіи какъ таковой, *Rossia tout court*.

Сравнительно еще недавно Струве отлично умѣлъ различать «поколѣнія» и «режимъ» (царизмъ), а въ одномъ и томъ же поколѣніи — Радищева и Шешковскаго, декабристовъ и Аракчеева, Бѣлинскаго и Дуббельта. Онъ глубоко возмущался нововременскими приемами, смѣшивавшими въ одну кучу и объединявшихъ круговой порукой «нашихъ предковъ, боровшихся за конституцію» и «насильниковъ, лихоимцевъ и хамовъ, за которыхъ Россія расплачивалась кровавой цѣной». Озабоченный и тогда выработкой «государственно-національнаго сознанія», онъ все же не утратилъ способности видѣть «ужасную фальсификацію государственности и націонализма», которою, въ частности, «Новое Время» «отравляло» своихъ читателей. «Прикрываясь началами государственности и національности оно могущественнымъ влияніемъ минуты приноситъ въ жертву будущность Россіи» (*Patriotica*, СПб. 1911 г. Стр. 174 и слѣд.).

А теперь... Теперь онъ обвиняетъ не только «можетъ быть» наиболѣе вліятельную часть международнаго еврейства), но и «безъ малаго всю русскую общественность и интеллигенцію» въ «дискредитированіи» русской государственности и въ клеветѣ на «историческую Россію». Ибо матеріальное благосостояніе Россіи до революціи — и особенно за время войны — росло; армія была замѣчательная; такой же была бюрократія; судъ былъ недостижимый по нравственному уровню и по судопроизводственной технике; Правительствующему Сенату «могла бы позавидовать любая государственность». «Въ общемъ и цѣломъ Россія была огромнымъ и самобытнымъ центромъ правовой культуры». «Въ общемъ и цѣломъ» руководители «Возрожденія» считаютъ возможнымъ «подписаться подъ тѣмъ, что русская монархія была, вѣроятно, «самымъ прогрессивнымъ правительствомъ Европы»... Остаются только удивляться, почему въ такомъ случаѣ все-таки произошла революція и какъ разъ въ російской Аркадіи, а не въ «отставшей» отъ нея Англіи или Франціи? И почему столь блестящее и завидное прошлое рекомендуется лишь «утверждать какъ нѣкую объективную цѣнность», а не реставрировать его немедленно и полностью?..

Струве давній патріотъ. И съ давнихъ поръ патріотизмъ былъ для него орудіемъ и средствомъ для достиже-

нія болѣе высоко стоящихъ — въ томъ же политическомъ ряду — цѣлей. И прежде онъ пользовался идеей патріотизма лишь какъ матеріаломъ и формой для созданія опредѣленнаго, въ тотъ или иной моментъ дорогаго для него, типа государственности. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда государственность предносилась Струве въ образѣ гарантированныхъ правъ человѣка и гражданина, онъ и «единственный видъ истиннаго націонализма» усматривать въ признаніи «неотъемлемыхъ правъ личности, которыя должны стоять выше посягательствъ какаго-либо коллективнаго, сверхъ-индивидуальнаго цѣлаго, какъ бы оно ни было организовано и какос бы наименованіе оно ни носило». И теперь въ борьбѣ съ «абсолютнымъ зломъ» — большевизмомъ всѣ политическія направленія, идеи и силы имѣютъ для Струве, по его же собственному признанію, лишь *инструментальное* значеніе.

Въ чемъ бы ни видѣлъ Струве «истинный націонализмъ» — въ установленіи ли хартіи вольностей человѣка и гражданина или въ возрожденіи царизма и служеніи «воину царскаго корня», «естественномъ избранникѣ мыслей и чувствъ русскихъ патріотовъ», несущемъ въ то же время «явственную печать исторической избранности», — Россія тамъ, какъ и тутъ связывается съ опредѣленной формой правленія и организаціей властвованія. И въ этомъ основной и неистребимый порокъ патріотизма Струве.

По своему происхожденію патріотизмъ покоится на безотчетномъ и инстинктивномъ влеченіи къ «своимъ», къ себѣ подобнымъ — родичамъ и соплеменникамъ. Этотъ первичный, стихійный, «физиологическій» патріотизмъ восполняется привязанностью къ землѣ и вещамъ, совместно «нажитымъ» или «прожитымъ» и утраченнымъ. Въ дальнѣйшемъ въ патріотизмъ «физиологическій» и «вещный» привносится элементъ *гражданственный* — сознание связанности историческихъ судебъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ; цѣненіе родной культуры; положительное утвержденіе въ мирѣ своей страны, своего народа, своей націи.

Струве возвращаетъ идею патріотизма во второй, «вещный» періодъ ея развитія. Приспосабливая идею патріотизма къ классовому сознанію крестьянина-земледѣльца, онъ не говоритъ, въ чемъ суть, смыслъ и цѣнность патріотизма, онъ наставляетъ лишь, какъ стать истиннымъ

патріотомъ. Для Струве — «быть патріотомъ значить любить свое отечество, какъ собственность, какъ земле-дѣлецъ любить свою отчизну и вотчину. Быть крестьяниномъ значить любить собственность; свою пядь земли, свою отчизну и дѣдину той сильной сыновней любовью, которую всякій настоящій патріотъ любить свое отечество». Отсюда и лозунгъ — Отечество и Собственность. Точнѣе: — отечество какъ собственность патріархально-вотчинныхъ правителей и управляемыхъ. — Лозунгъ пригодный, можетъ быть, для реставраціи государственности 17-18 вѣка, но никакъ не для возрожденія государственности современной.

Ниспровергаеть ли Струве царизмъ въ патріотическихъ цѣляхъ, или, наоборотъ, въ тѣхъ же цѣляхъ собирается его возстановить, его патріотизмъ страдаетъ однимъ и тѣмъ же неизбывнымъ порокомъ: недовѣріемъ Струве къ основному двигателю всей русской, особливо политической, исторіи — къ русскому народу. Патріотизмъ Струве читается чувствомъ любви къ родинѣ — землѣ, вещи, роду-племени, классу, формѣ государственности. Его патріотизмъ географическій, этнографическій, индивидуально-правовой, классово-государственный. Но, — поскольку скидываются съ политическихъ счетовъ выраженная народомъ воля, осознанные народомъ интересы и цѣли, — это патріотизмъ «инструментальный», условный и относительный, ибо это патріотизмъ не *народно-націо-нальный*.

3.

Несмотря на всѣ свои «мутации» и «миграціи», изъ одного политическаго лагеря въ другой, была, однако, у Струве и пѣкая общая идея, доминировавшая надъ всѣми преходящими злобами политическаго дня. Эта идея — отрицаніе народничества, непримиримая борьба съ народничествомъ, какъ системой социально-политическихъ идей, или «міросозерцанія», какъ любилъ говорить раньше, — и опредѣленнымъ методомъ дѣйствій.

Съ какой бы новой точки зрѣнія ни устремлялъ Струве свой духовный взоръ на російскую дѣйствительность, — главнаго своего противника на протяженіи всѣхъ 25 послѣднихъ лѣтъ онъ видѣлъ и фиксировалъ въ народникахъ и «народничающихъ либералахъ». Марксистъ,

либераль, консерваторъ, революціонеръ или контръ-революціонеръ, избочиваетъ ли онъ царизмъ или социализмъ, зоветъ ли на выгучку къ капитализму или царизму, критикуетъ ли «историческую власть» или властительницу русскаго духа интеллигенцію, полемизируетъ ли съ Михайловскимъ или Меньшиковымъ, со Столыпинимъ или Милюковымъ, славить ли классъ, пролетаріевъ или собственниковъ, или лицо, — Николая Николаевича или Николая II, — Струве всегда вѣренъ своему недовѣрію въ народъ, какъ цѣлое и, въ народничество, какъ ученіе и упованіе въ народный смыслъ и волю*).

Не все, конечно, въ народничествѣ было и остается жизнеспособнымъ. Но въ чемъ народничество оказалось безусловно право и въ чемъ его непреходящая заслуга передъ Россіей и русскимъ общественнымъ самосознаніемъ, — это въ его оцѣнкѣ народа, какъ главенствующаго фактора въ строительствѣ Россіи. Народничество прививало общественному самосознанію мысль объ опредѣляющемъ значеніи народа и его воли. И въ то же время оно воспитывало въ народѣ сознаніе его правъ, вѣру въ его силу и волю къ народоправству, связывая послѣднее съ революціонными методами борьбы и съ цѣлями социальнаго освобожденія. На долю социалистическаго народничества выпала въ Россіи главная тяжесть борьбы за различіе между интересами народа и страны и интересами той или иной — царской или совѣтской — формы правленія. На него же выпала въ Россіи главная тяжесть борьбы за народоправство (демократію), которое на Западѣ сдѣлалось реальнымъ факторомъ жизни еще до появленія на политической авансценѣ социализма. На Западѣ Гладстонъ могъ проводить различіе между консерватизмомъ, какъ «недовѣріе къ народу, умѣряемое страхомъ», и либерализмомъ, какъ «довѣріе къ народу, умѣряемое благоразуміемъ». У насъ, по отношенію къ русскому либерализму и консерватизму, такое различіе

*) Мнѣ уже приходилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ отмѣчать въ *Совр. Запискахъ* т. XI, что именно на этомъ пунктѣ концентрируется «патетическая» сторона всей публицистической дѣятельности Струве. Подтвержденіе этого взгляда я нахожу теперь у единомышленника нынѣшняго Струве, — К. I. Зайцева. Въ статьѣ, посвященной 35-лѣтней дѣятельности учителя (см. «*Студенческіе Годы*» № 2 за 1925 г.), К. Зайцевъ также отмѣчаетъ «отверженіе народничества», какъ источникъ павоса Струве.

было и, увы, остается неприложимымъ. «Довѣріе къ народу» — порою, правда, ничѣмъ не умѣряемое — характерно для русскаго народничества и *только для него одного*, безотносительно къ тому, становилось ли оно подъ социалистически революціонное знамя или нѣтъ.

Потому то и могъ стать Достоевскій такимъ пламеннымъ, поистинѣ, «Божьей милостью» патріотомъ, несмотря на всѣ свои реакціонно-консервативныя устремленія и мессіанскія преувеличенія, — что онъ былъ упоеннѣйшимъ народникомъ-русофиломъ, пытавшимся на православной и народной основѣ создать свой особый «русскій социализмъ». «Я за народъ стою прежде всего. Въ его душу и великія силы, какъ въ святую, которыхъ еще никто не знаетъ во всемъ объемѣ и величій ихъ, вѣрую... Обстоятельствами всей почти русскої исторіи народъ нашъ до того былъ преданъ разврату и до того былъ развращаемъ, соблазняемъ и постоянно мучимъ, что еще удивительно, какъ онъ дожилъ, сохранивъ человѣческій образъ. Но онъ сохранилъ и красоту своего образа... Судите нашъ народъ не по тому, что онъ есть, а по тому, чѣмъ онъ желалъ бы стать». Достаточно этихъ немногихъ строкъ, напоенныхъ подлинною гордостью за русскій народъ, чтобы не только понять, но и почувствовать всю глубину разницы между патріотизмомъ подлиннымъ и патріотизмомъ мнимымъ, взрожденнымъ «либерально-консервативнымъ» доктринерствомъ и нежизненнымъ съ перваго же дня своего рожденія. Только на сороковой день своего бытія «Возрожденіе» додумалось, что «нужная для Россіи сильная власть» должна дѣйствовать *какъ-то* (?) въ согласіи съ чаяніями народа... Но и послѣ этого оно неоднократно подчеркивало свою духовную близость съ фашизмомъ, идеологію котораго совѣмъ недавно формулировалъ Бенито Муссолини въ своей «Прелюдіи къ Макіавелли». гдѣ онъ писалъ между прочимъ: «власть въ качествѣ свободной воли народа это — фикція и лишняя фикція. Прежде всего никогда не было опредѣлено, что такое народъ. Это единство совершенно абстрактное, какъ единство политическое. Неизвѣстно точно, гдѣ оно начинается и гдѣ кончается. Эпитетъ суверена, прилагательный къ народу, трагическій фарсъ». Ибо наступаютъ иногда «торжественныя часы», когда народъ ни о чемъ не спрашиваютъ, а дѣйствуетъ вождь...

На Западѣ даже «не довѣряющіе» народу консерваторы

отчетливо сознають, что безъ народа, внѣ его большинства, трудящихся классовъ, помимо нихъ и тѣмъ паче вопреки имъ, -- Британской, на примѣръ, имперіи не сохранить. Поэтому консерваторы на Западѣ и не заявляютъ монополіи на патриотизмъ и, находясь у власти, нерѣдко проводятъ не консервативныя, а либеральныя, иногда даже радикальныя реформы. И сейчасъ консервативное правительство въ Англіи, Германіи, недавно во Франціи вынуждены считаться и уступать рабочему классу, даже когда онъ явно заблуждается или увлечается миражами*). Русскіе же «либеральные консерваторы», которымъ предстоитъ не только сохранить, а возстановить и возродить Россію, вовсе не считаютъ необходимой и *первой* къ тому предпосылкой довѣріе къ нимъ со стороны народа. Они довольствуются своимъ довѣріемъ къ «Вождю», къ избраннику ихъ *собственныхъ* патриотическихкихъ «мыслей и чувствъ». Поэтому-то столь и отличны русскій консерваторъ и, скажемъ, англійскій или французскій. Потому то такъ и не отличимы русскіе «либеральные консерваторы» отъ откровенныхъ реакціонеровъ и реставраторовъ. Вопреки своей волѣ, фатально ихъ «либерализмъ» оборачивается «участкомъ».

Не то, конечно, плохо, что Струве называетъ себя патриотомъ и взываетъ къ патриотическимъ чувствамъ. Не было бы большой бѣды и въ томъ, что Струве консерваторъ. Худо то, что Струве *русскій* консерваторъ *пореволуціонной* эпохи. Въ качествѣ такового онъ не можетъ не сознавать, что призывъ консервировать фактически (пусть только временно!) несуществующее естественно и неизбежно долженъ звучать, какъ призывъ возстановить ушедшее и вернуться къ прошлому. И сколько бы Струве ни повторялъ и ни подчеркивалъ жирнымъ шрифтомъ: «я — не реставраторъ!» — ему отъ этого не уйти, какъ

*) Любопытно сопоставить *практику* англійскаго консервативнаго правительства въ послѣднемъ конфликтѣ съ углекислыми и *теоретическія* «точки зрѣнія» «либеральнаго консерватора» изъ «Возрожденія». — «Уголовные кодексы покрываются пылью: ихъ не смѣютъ открыть, ихъ опасаются пустить въ ходъ», возмущается проф. Пилленко. «Вѣдь не римскіе же это папы» — англійскіе рабочіе; «только слѣпой не видитъ», что Англія дошла до того, что она «неизмѣримо больше похожа на *диктатуру*, чѣмъ на *демократію*», — печалуются почему-то тотъ же нововременскій демократъ изъ «Возрожденія».

не уйти и отъ того, что въ XX-мъ вѣкѣ даже для консерватора недостаточно имѣть «вождя», — надо имѣть за собой какъ ни какъ и народъ; мало *называть* себя патриотомъ, надо имъ *быть*.

Кто изъ бывшихъ русскихъ и нерусскихъ царей не считалъ себя патриотомъ, не называлъ себя отцомъ или первымъ слугой своего народа. Взять хотя бы царственного ученика сентиментальнаго учителя «Любви къ отечеству и народной гордости» — Николая I. Не легкомысленно-граціозному Пушкину и не крамольному Герцену, а благонамѣреннѣйшему и благочестивѣйшему поэту Тютчеву, цензору и камергеру, принадлежитъ извѣстная эпитафія:

«Не Богу ты служилъ и не Россіи,
Служилъ лишь суетѣ своей,
И всѣ дѣла твои, и добрыя и злыя, —
Все было ложь въ тебѣ, все признаки пустые:
Ты былъ не царь, а лицедей!»

Это примѣнимо не только къ Николаю первому и вообще не только къ царямъ. Лицедеи патриотическаго служенія Россіи встрѣчаются не только среди національ-коммунистовъ. Они встрѣчаются и среди «либеральныхъ консерваторовъ», пилющихъ о «массахъ русскаго народа» не иначе какъ — «русскій мужикъ и русскій рабочий съ ихъ звѣрскими и жестокими инстинктами, съ ихъ вѣками накопившейся ненавистью, злобой, завистью, скрытностью, рабскимъ низкопоклонничествомъ, съ ихъ порывами и разгуломъ»... Исторично ли утверждать патриотизмъ не утверждая главнаго физическаго и духовнаго строителя отчизны — народа? Не оскорбительно ли рядомъ съ безмѣрнымъ понятіемъ Отечество ставить одинъ изъ объектовъ вѣчнаго права — Собственность?..

Если искать лозунга для возрожденія Россіи имъ, конечно, не можетъ ни быть, ни стать Отечество и Собственность. Имъ будетъ *Отечество и Народъ*, или *Народъ*, осознавшій себя и свое отечество и ставшій *Націей**)..

*) Въ «Открыткахъ» Е. Д. Кусковой, печатаемыхъ ниже, помимо общей стилизаціи фактовъ, къ которой прибѣгаетъ уважаемый авторъ для внесенія смысла и разума въ пооктябрьскій періодъ русской исторіи, Е. Д. Кускова, въ качествѣ своего рода вывода, рекомендуетъ: «перестать употреблять всеу столь суммарное понятіе, какъ «народъ».

4.

Въ тѣ годы, когда П. Б. Струве еще не считался родствомъ съ Б. Н. Чичеринымъ, а, наоборотъ, весьма жестоко критиковалъ этого «либеральнаго консерватора» — *avocat des causes perdues*, по выраженію Ив. Аксакова, — Струве обмолвился характернымъ замѣчаніемъ: «За всякимъ теоретическимъ обращеніемъ къ прошлому скрывается задняя мысль практическаго свойства». Въ сущности эти слова были перефразомъ ветхозавѣтнаго Экклезіаста — «Не говори: отчего это прежніе дни были лучше теперешнихъ, — потому что не отъ мудрости ты спрашиваешь объ этомъ» (VII, 10).

Какія же «заднія мысли» скрываются за пылѣвшимъ обращеніемъ Струве къ прошлому, къ «вѣковымъ историческимъ началамъ», согласно формулѣ приглашенія на «Россійскій Зарубежный Съѣздъ»? Въ прошломъ, въ которомъ Струве сливаетъ русскую государственность съ царизмомъ, повторяя тѣмъ ту самую ошибку, которую такъ рѣзко изобличалъ самъ въ «Вѣхахъ», въ прошломъ приманчивы вѣдь не только вещи (собственности) и люди (цари). Приманчивы и «вѣковыя историческія начала», *устои* власти, сводившіе всѣ начала и концы Россійскаго быта и государства къ единому лицу, «божьему помазан-

Е. Д. Кусова, со свойственной ей откровенностью, сама оговаривается: «конечно, «открытками» нельзя оспаривать разсужденіе». Не желая, съ своей стороны, оспаривать «разсужденіями» интересныхъ «открытокъ» талантливой публицистки, я ограничусь лишь нѣсколькими «риторическими» вопросами:

Если нельзя употребить все «народъ», — почему можно употребить «Россія», «нація», «государство», «свобода» и прочія не менѣе общія, абстрактныя и «суммарныя» понятія, чѣмъ народъ?

Если о «народѣ» не надо говорить «главнымъ образомъ (а еще почему?.. М. В.) потому, что у насъ не было, нѣтъ и теперь въ особенности, правильныхъ *измѣрителей* его воли» (въ видѣ западно-европейскихъ учрежденій), — то какіе существуютъ «измѣрители» интересовъ или воли *Rossia*, о которой и Е. Д. Кусова не запрещаетъ говорить всеу?

И, наконецъ, послѣдній: — въ чемъ *по существу* отличіе «Рассей, Рассеюшки», о которой «русскія массы» (очевидно, не народъ?!..), по свидѣтельству Кусовой, говорятъ, — отъ «націи», «русской націи», «національной свободы», которыхъ, согласно тому же свидѣтельскому показанію, тѣ же «массы» «не знаютъ»?

нику». Не міросозерданіемъ Павла I, конечно, вдохновлялся Струве, когда проектировалъ свое «возрожденіе», — но мысль Павла I о преимуществахъ «скорости власти одного» несомнѣнно вошла однимъ изъ составныхъ элементовъ въ обоснованіе Струве исторической, политической, экономической и всяческой иной необходимости *личной и охранительной диктатуры* въ противовѣсъ и отличіе отъ диктатуры партійной, выдаваемой РКП за диктатуру классовую.

Я не знаю, серьезно ли вѣрятъ идеологи «Возрожденія» въ «избранничество» въ одно и то же время и «естественное», и «историческое», и «Высшей Волей предуказуемое», — опредѣлившее быть національнымъ вождемъ «воину царскаго корня», *pominate* — б. великому князю Николаю Николаевичу. Но всякій знаетъ, что съ «царскимъ корнемъ» въ Россіи неразрывно связано представленіе о первенствѣ, самостоятельности, виѣ- и сверхъ-законности носителя власти, отвѣтственной лишь передъ Богомъ и въ сознаніи своей загробной отвѣтственности правомочной преступить любя, даже ею самую установленныя легальныя формы. И «прежніе дни были лучше теперешнихъ» не потому только, что царь давалъ «видимую и осозательную форму патриотическаго чувства», по выраженію Каткова; что онъ былъ той единицей, которая, стоя впереди безчисленныхъ нулей, только и придаетъ послѣднимъ значеніе, превращаетъ многомилліонныя песчинки подданныхъ въ національное цѣлое; но и потому, что онъ былъ безупречной формой «*легальной диктатуры*», «*превентивной контръ-революціи*». Эта диктатура, воскрешая теорію и практику XVIII и XVII вѣковъ, руководствуется не формальнымъ правомъ, а «существомъ дѣла», «государственной необходимостью» (*raison d'etat*) или благомъ цѣлаго (*salut public*), опредѣляемымъ произвольными усмотрѣніями правителя-диктатора.

Струве какъ-то остроумно замѣтилъ относительно союза русскаго народа, что его цѣль — «конверсія историческихъ чиселъ и государственныхъ началъ. 17-е октября 1905 г. онъ желаетъ конвертировать въ 17-е января 1895 года *), конституціонную монархію въ неограниченное

*) День историческаго окрика Николая II по адресу «либерально-консервативныхъ» земцевъ, увлекшихся «безсмысленными мечтаніями».

самодержавіе». Не оскорбляя Струве сближеніемъ съ дѣятелями союза русскаго народа, — хотя нѣкоторые изъ этихъ дѣятелей и подвизаются сейчасъ на столбцахъ «Возрожденія», — съ полнымъ основаніемъ можно высказать ту же мысль и относительно нынѣшней политики Струве. Ея дѣль — конвертировать весь 17-й годъ въ 17-е октябряятаго года, — «не раньше» коего Струве была «лично дарована» амнистія и не позже котораго «по существу и формально революція должна была бы завершиться». Что же касается «государственныхъ началъ», въ которыя Струве хотѣлъ бы конвертировать не только октябрьскую, но и февральскую революцію, то онъ все еще не рѣшается въ точности ихъ опредѣлить. То ли Струве не можетъ все-таки забыть краснорѣчивую характеристику русскаго царизма, данную хотя бы тѣмъ же Тютчевымъ: «До Петра Великаго одна панихида, а послѣ Петра Великаго одно уголовное право», и нынѣ дополненную и исправленную безчисленными дневниками и воспоминаніями царей, царедворцевъ, великихъ князей, министровъ, государственныхъ секретарей и т. д. То ли «Возрожденіе» хочетъ быть органомъ не только «монархистовъ по крови», какъ опредѣлили самъ себя Шульгинъ, и «самодержавниковъ», по выраженію Крушенскаго, но и органомъ русскихъ бонапартистовъ, ищущихъ въ первую очередь не царя, а сильной власти, возстановляющей порядокъ и «ставящей своей основной задачей защиту собственности, *хотя бы она временно и не признавала публично-правовыхъ свободъ*», — по выраженію «бонапартиста» К. Зайцева. То ли отталкиваясь отъ явно неудачнаго опыта съ «императоромъ» Кирилломъ, — но восхваляя царизмъ какъ «историческую власть»; даже публикуя въ столь же комически-превыспренномъ стилѣ, какъ и кирилловская «Вѣра и Вѣрность», сообщенія о «высочайшихъ пріемахъ» и «всемилоствѣйшемъ соизволеніи Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Федоровны», — «Возрожденіе» для настоящаго момента все же больше занято Вождемъ-Цезаремъ, нежели поисками кесаря. *Цезаризмъ, какъ путь къ царизму*, — такъ примѣрно расшифровываются тѣ «государственные начала», въ которыя хочетъ «конвертировать» русскую революцію «Возрожденіе».

Я знаю, Струве можетъ сказать, что одинаковымъ образомъ расшифровались и всѣ «великія революціи». — Онъ будетъ правъ только внѣшне, — безъ поправки

на время, XX-й вѣкъ, и мѣсто Россіи въ мировомъ оборотѣ и безъ учета специфическихъ чертъ *русскаго* цезаризма. Пользуясь тѣмъ, что мы имѣемъ Вождя (Il Duce) in spe, Цезаря воображаемаго, а не реального, интересно сопоставить классическій типъ цезаризма съ чаяніями и упованиями русскаго, взрожденнаго въ эмиграціи.

Въ хорошо извѣстномъ Струве, моммсеновскомъ описаніи цезаризма характернѣйшей для него чертой считается чрезвычайная умѣренность въ репрессіи противъ политическихъ враговъ, отказъ отъ розыска былыхъ винъ, строгая разборчивость въ средствахъ. — Сравните теперь органъ русскаго цезаризма, видящій въ «воинѣ царскаго корня» историко-политическую предпосылку россійскаго возрожденія. Въ первомъ же номерѣ «Возрожденія» дана «формула, короткая, но внушительная, обязательная для каждаго убѣжденнаго національ-эмигранта: борьба не на жизнь, а на смерть, непримиримая и неустанная съ коммунизмомъ и социализмомъ. Въ этой борьбѣ не можетъ быть ложной сентиментальной боязни передъ разрушеніемъ, передъ мечомъ, передъ карами». И тутъ же другой авторъ наглядно демонстрируетъ отсутствіе сентиментальной боязни и готовность бороться съ социалистами-антибольшевиками, не только съ живыми, но и съ мертвыми «социалистомъ-редакторомъ толстаго демократическаго журнала», прегрѣшившимъ предъ патриотами изъ «Возрожденія» только тѣмъ, что, по ихъ же изящному выраженію, онъ «сбрелъ съ ума въ думахъ о Россіи, въ моментъ писанія очередной статьи о Россіи»... А въ послѣдующихъ номерахъ третій идеологъ выступаетъ съ проповѣдью «православнаго меча» и казни, «прямо предуказанной (апостольскими и иными преданіями) въ мѣру ея неосободимости и примѣнительно къ злодѣямъ», попутно намѣчая кощунственную и для нерелигіознаго сознанія, проблему того, «какъ надлежитъ поставить самую процедуру казни для того, чтобы она не развращала людей, а воспитывала ихъ въ христіанскомъ духѣ взаимной любви, покаянія и совмѣстной молитвы» (И. Ильинъ)...

Другая черта Цезаря, по Моммсену, — надпартийность власти, свободной отъ заискиванія передъ чернью. И до «Возрожденія» Струве въ «Русской Мысли» (1924 г., IX-XII) увѣрялъ, что «у партіи, которая смѣнитъ коммунистовъ, есть только одно имя: русская. И какъ русская она не будетъ партией». Тѣ, которые собрались теперь

около «Возрожденія» въ надеждѣ смѣнить коммунистовъ, — (Струве увѣренъ, что смѣна «зайдетъ въ политическомъ отношеніи достаточно далеко на право» и потому заблаговременно совѣтуетъ, не Милюкову, а его сторонникамъ «надъ этимъ хоть немножко задуматься» и не «исключать себя изъ той новой жизни, которая расцвѣтетъ на развалинахъ СССР»), — конечно, не партія: но только потому, что, «какъ русскіе», они образуютъ *нѣсколько* партій... Избравшіе якобы надпартійнаго «вождя» они стоятъ въ самой гущѣ партійной — и даже фракціонно-партійной (монархической) — борьбы. Они не только себя сами аттестуютъ: «мы не имѣемъ враговъ *направо* отъ насъ». Онъ самимъ «вождемъ» пользуются «инструментально», какъ символомъ и крючкомъ для улова эмигрантской «черни» въ свои партійныя сѣти.

И третья черта Цезаря — все по тому же Моммсену, въ интерпретации Струве: — Цезарь стремился впрямь всѣ живыя силы, въ частности интеллигенцію страны въ реальную работу по возрожденію страны. Даже противниковъ своихъ онъ привлекалъ къ строительству государства. — Сопоставьте отношеніе русскихъ «цезаристовъ» къ интеллигенціи; учтите ихъ «реальную работу» по расколу, такъ называемыхъ, бытовыхъ организацій въ эмиграціи; оцѣните ихъ сладострастныя размышленія, еще въ эмиграціи сидя, о «нормально дѣйствующихъ полицейскихъ участкахъ», и вы легко замѣтите, въ чемъ разница между цезаризмомъ реальнымъ и цезаризмомъ доморощеннымъ, надуманнымъ, — *made in Paris*. Разница въ томъ, что Цезарями, Кромвеллями, Бонапартами становятся, — русскіе же «національные вожди» рождаются изъ «царскаго корня» и творятся не жизнью, а выдумкой политическаго комбинатора, случайной и произвольной, политически реакціонной, исторически нереальной и эстетически безвкусной.

Если бы коммунистовъ на самомъ дѣлѣ должна была бы смѣнить только русская партія «безпартійныхъ», группируемая «Возрожденіемъ» вокругъ имени б. великаго князя, — можно съ увѣренностью сказать: коммунистамъ на долго обеспечена жизнь и власть. Конецъ гражданской войнѣ будетъ положенъ, конечно, не смѣной одной РКП (россійской коммунистической партіи) другой РКП (русской контрреволюціонной партіей), — а всенародными усилиями въ сторону утвержденія народоправства.

5.

Мы подробнѣе остановились на идеологическихъ корняхъ «Возрожденія», чтобы коротко сказать объ его политическихъ плодахъ. Ибо «Возрожденіе» — не столько органъ «Вождя царскаго корня», сколько органъ идеологическаго вождя русскаго паризма — Струве. Если какъ нибудь еще интересенъ Струве, то, конечно, только какъ идеологъ а вовсе не какъ политикъ. Если Струве еще не утратилъ чувства юмора и способенъ взглянуть на себя нѣсколько со стороны, онъ, вѣроятно, и самъ согласится, что, можетъ быть, самымъ курьезнымъ административнымъ назначеніемъ, котораго имѣли мѣсто за время революціи и гражданской войны, — а сколько ихъ было! — было все-таки назначеніе типичнаго русскаго интеллигента и гелетера «Начальникомъ управленія иностранныхъ дѣлъ» при кавалерійскомъ генералѣ, оперировавшемъ на Югѣ Россіи. Совсѣмъ другое дѣло пылкій поэтъ Струве — по вѣдомству политическаго просвѣщенія и идеологическаго обоснованія при претендентѣ въ Цезари. Здѣсь все-таки есть о чемъ серьезно говорить и что анализировать.

Что связало Струве съ Николаемъ Николаевичемъ? Что можетъ сказать въ его пользу Струве? Увы, — немного! Самымъ важнымъ доводомъ Струве считасть то, что Николай Николаевичъ «просто — есть», что Онъ (съ заглавной буквы) — «фактъ», не «фантомъ или легенда», а «живое Лицо» (опять съ заглавной буквы). Не знаю, давно ли сдѣлался Струве такимъ «факто-поклонникомъ». Но если такъ, то вѣдь тоже «есть» — и «просто», и «не просто» — и не за рубежомъ, а въ Россіи, — и Зиновьевъ. А въ эмиграціи рядомъ съ великимъ княземъ, кандидатомъ въ Національные Вожди, имѣется и прямой кандидатъ въ «императоры», не говоря уже о бонапартистахъ, готовыхъ увѣнчать русскаго Бонапарта короной, но не согласныхъ признать Бонапартомъ беспомощную тѣнь, отбрасываемую былой короной.

Струве въ обозѣ Николая Николаевича — печальное завершеніе сложной и разнообразной карьеры. Политически дальше идти уже некуда. И чего добился Струве своимъ послѣднимъ «самоопредѣленіемъ»? Цѣной превращенія въ консерваторы и контръ-революціонеры достигъ ли онъ объединенія зарубежной «Національной Россіи», какъ онъ любитъ называть эмигрантскіе круги, непріемлю-

щие социалистовъ, «радикаловъ», республику и революцію? Думаю, самъ Струве наединѣ съ собой не обманывается въ своихъ «достиженіяхъ».

Когда другіе, Бурцевъ, Ив. Алексинскій, Третьяковъ, пробовали до Струве объединять всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ подъ лозунгомъ: «все для сверженія большевиковъ!» — это было и все, что они могли сказать; ничего большаго отъ нихъ никто и не ждалъ и не требовалъ. Ихъ неудача была политическая и личная, неудача партизановъ, переоцѣнившихъ свои силы и объективную обстановку. Неудача Струве — *non bis in idem* — другого порядка: неудача болѣе глубокая, идеологическая, вскрывающая внутреннюю порочность корней и заданій.

Провозгласивъ крайнюю, безграничную терлимость направо, Струве не только оттолкнулъ отъ себя тѣхъ, кого онъ собралъ раньше въ такъ называемомъ Национальномъ Комитетѣ, и кто теперь упорно уклоняется стать подъ стягъ «Возрожденія», убоившись кто «вождя», кто разящаго «православнаго меча», а кто по просту — «недопустимаго искаженія правды», той «развязности непонятной и непростительной», съ которой либерально-консервативные объединители провозгласили, что «тѣ, кто не съ нами, не только противъ нихъ, но даже неминуемо съ большевиками». Но Струве вѣдь не сломилъ недовѣрія къ себѣ и къ своей затѣѣ и въ правыхъ, близкихъ ему по цѣлѣшнему умонастроенію, кругахъ. Тутъ не только неизбывное соперничество «николаевцевъ» и «кириловцевъ». Тутъ и общій законъ человѣческой психологіи.

Можно перемѣнить убѣжденіе. Нельзя мѣнять убѣжденія. Или, мѣняя ихъ, нельзя не сознавать, что въ перманентномъ измѣненіи, особливо, если оно сопровождается ниспроверженіемъ вчерашнихъ алтарей, сѣтъ нѣчто отъ измѣны, отъ худшаго вида отступничества — отъ самого себя и своего прошлаго. При многократномъ самоотреченіи сгущается опасность, какъ бы исповѣдуемое сегодня не было бы, съ тою же страстностью, отвергнуто, можетъ быть, уже завтра въ иной, измѣнившейся обстановкѣ... Но сколько ни сблизается Струве съ реакціонерами и реставраторами, правые «по крови» до конца ему не вѣрятъ и не повѣрятъ никогда. Онъ для нихъ, — чужакъ пріймакъ, партнеръ временный и преходящій. Ген. Кутеповъ можетъ прибѣгнуть къ Струве въ борьбѣ противъ ген. Краснова. Марковъ II охотно воспользуется его

помощью для упроченія «николаевцевъ» и посрамленія «кирилловцевъ». Но ни тотъ, ни другой не забудутъ Струве, сколько онъ ни будетъ ссылаться на «лично дарованную» амнистію — его прошлыхъ преступленій и даже нынѣшнихъ «реминисценцій»: его неожиданнаго — и сейчасъ не мотивируемаго — заявленія, что «въ основномъ и цѣломъ свою дѣятельность въ «Освобожденіи» онъ считаетъ правильной и полезной, въ ней не раскаивается и отъ нея не отрекается»; его возраженія противъ «распространительнаго и размахистаго толкованія революціоннаго «зла»; его признаніе «пусть плохъ современный «демократическій» строй, но какія великія цѣнности онъ воплощаетъ и охраняетъ»; его внезапный отказъ «ставить идиллическіе миры на мѣсто русскаго историческаго прошлаго»; упоминаніе въ пригласительной формулѣ Зарубежнаго Съѣзда наряду съ «вѣковыми историческими началами» объ основахъ правого государства и, того хуже, о «присшедшихъ въ Россіи крупныхъ перемѣнахъ и условіяхъ современной русскаго дѣйствительности». И т. д. Правые, монархисты по крови и «самодержавники» по воспитанію подошли къ «Возрожденію» «инструментально.» И, конечно, не они объединились со Струве, а Струве съ ними; не онъ ихъ «укротилъ», а они его приручили.

Вербующую силу «Возрожденія» можно иллюстрировать человѣческимъ документомъ, отрывкомъ изъ письма, лежащаго передъ моими глазами. Авторъ, ученый и дипломатъ, пишетъ: «Струве окончательно обратилъ въ республиканца и демократа меня, царскаго дипломата и бюрократа. Ему, который никогда бюрократомъ не былъ, позволительно идеологизировать и идеализировать старый царскій режимъ, а для меня это такой фантастическій романъ, которымъ я прямо улитаюсь. Если таково было самодержавіе, то что же въ Россіи будетъ съ республикой и демократіей, — это коистинѣ будетъ земной рай. Жаль только, что въ эмиграціи сравнительно мало людей дѣтскаго возраста, а то «Возрожденіе» было бы наилучшей дѣтскою литературой»...

Струве говоритъ объ объединеніи «Национальной Россіи» на Русскомъ Зарубежномъ Съѣздѣ, — фактически же онъ уже внесъ расколъ и разьединеніе даже въ собственные ряды. Струве обличаетъ партійные предразсудки и распри и самъ же плодитъ сектанскій фанатизмъ и партійный «эксклюзивизмъ». Струве громитъ классовую войну и

самъ строить свою «Национальную Россію» на классовомъ (собственническомъ) началѣ. Во имя «бытія и здоровья Россіи» онъ на дѣлѣ готовитъ ей новыя недуги и раздоры: смертью (царизмомъ) попираетъ смерть (большевизмъ). Консерваторъ — съ романтическимъ влеченіемъ къ охранѣ не реально существующаго, а ушедшаго въ прошлое. Либераль — съ ничѣмъ неумѣряемымъ «недовѣріемъ» къ народу, къ его разуму и волѣ. Националистъ и патріотъ, связывающій отечество не съ націей, а съ классомъ собственниковъ. Бонапартистъ безъ Бонапарта или съ Бонапартомъ «царскаго корня», а не вышедшимъ изъ революціи, какъ всѣ «бонапарты», т. е. съ Бонапартомъ поддѣльнымъ и подложнымъ. Что общаго между этими истинно-русскимъ самобытничествомъ и классическими, западно-европейскими формами консерватизма, либерализма, патріотизма, цезаризма?!

Струве любитъ оборачиваться на Западъ и проводить параллель между своимъ отступничествомъ и политикой и отступничествомъ и политикой Бріана или Мильерана. Но вѣдь Мильеранъ, не говоря уже о Бріанѣ, — никогда не опускался до политическаго союза съ Марковымъ II, носящимъ во Франціи имя Леона Додэ. Французскіе консерваторы, какъ и полагается консерваторамъ, припадаютъ на правую ногу; но они не страдаютъ одноглазіемъ: — видятъ враговъ не только налѣво, но и направо.

И не хочу сказать, что для возрожденія грядущей Россіи не нужна консервативная партія. Но претендующая на роль РКП-bis должна была бы прежде всего сама духовно и организаціонно самоопредѣлиться, а не питаться отбросами другихъ партій и направленій, не должна вербоваться изъ остатковъ союза русскаго народа и бѣглецовъ изъ прогрессивнаго лагеря. Въ томъ и была неизбывная трагедія Россіи, что въ ея прошломъ не было хранителей культурныхъ традицій. Если русскій социализмъ могъ дойти до своего «коммунистическаго» вырожденія; если русскій либерализмъ дошелъ до самоотреченія, выродившись въ «либерально-консервативную» контрреволюцію; если русскій консерватизмъ былъ всегда трудно отличимъ отъ «патріотической» идеологіи союза русскаго народа или Михаила Архангела — выхода изъ этого общерусскаго политическаго туника, особенно за рубежомъ, надо искать прежде всего на путяхъ внутренняго

самопознания, самокритики и самоочищения. Ненавистные Струве, такъ называемые имъ, «умѣренные социалисты» давно уже констатировали серьезность и глубину переживаемого социализмомъ — въ особенности русскимъ социализмомъ — кризиса. Къ сожалѣнію, «неумѣренные русскіе консерваторы», переименовавшіе себя въ Европѣ — а, можетъ быть и для Европы — въ «умѣренныхъ либераловъ», нисколько не обнаруживаютъ готовности признать ошибки, грѣхи и преступления въ своемъ собственномъ политическомъ прошломъ. Больше того, — они, совершенно непонятно по какимъ основаніямъ, мнятъ себя не неудачниками, безславно проигравшими и погубившими Россію; а единственно прозорливыми политиками, все предвидѣвшими и все предсказавшими и единственно имѣющими право на возрожденіе *изъ*, на началахъ монополіи имъ принадлежащей, Национальной Россіи.

Не съ злорадствомъ, а съ горечью пишу и о политическомъ провалѣ и духовномъ паденіи руководителя «Возрожденія». Поколѣніе, къ которому я принадлежу, привыкло слѣдить за кипучей публицистической Струве, цѣлительную напряженность его запросовъ и творчества. Привыкли къ этому даже тѣ, кто никогда не были единомышленниками Струве, кто ни въ одну фазу его непрерывныхъ превращеній съ нимъ не совпадалъ. Всегда думалось, что какъ ни разнообразенъ политическій діапазонъ Струве, какъ ни неуравновѣшенъ «русскій человекъ и патріотъ» Струве — не чета «гѣмцу Струве» — все же существуютъ грани, заказанныя и для Струве.

Съ перечисленіемъ во дворъ къ Николаю Николаевичу, приходится съ огорченіемъ констатировать, — Струве переступилъ *всѣ* грани, переоцѣнилъ до конца *всѣ* цѣнности. Сошелъ со сцены публицистъ, только въ себѣ и своей писательской совѣсти находившій послѣднее мѣрило истиннаго и справедливаго. Его смѣнили «партиецъ», членъ «безпартийной русской партіи», служилый, обязательный повиненіемъ и связанный дисциплиной, редакторъ великокняжескаго, «официальнаго» органа печати, — *avocat des causes perdues*.

Маркъ Вишнякъ.